

© 2013 г. О.Е. ПЕКЕЛИС

«ЧАСТИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ» В КОНСТРУКЦИИ С ПОВТОРЯЮЩИМСЯ СОЮЗОМ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

В статье анализируется явление частичного согласования в числе сказуемого с сочиненным подлежащим, при котором сказуемое, несмотря на множественность субъектов, получает форму единственного числа. Факторы, определяющие допустимость частичного согласования, уточняются на материале повторяющихся союзов (*и...и, ни...ни, или...или, то...то*). Демонстрируется, что выбор между частичным и стандартным согласованием, а в случае частичного согласования также взаимное линейное расположение сказуемого и подлежащего, влияют на интерпретацию сочиненного подлежащего в терминах семантики множественности.

Ключевые слова: сочинение, согласование, повторяющийся союз, корпус

In this paper we discuss the phenomenon of partial agreement with coordinated subjects; that is, a strategy when a verb agrees with just one of the conjuncts. The factors which underlie the possibility of partial agreement are discussed for coordinate constructions with the Russian correlative conjunctions *i...i, ni...ni, ili...ili, to...to*. We argue that the choice between the standard and the partial agreement strategy, as well as, in the latter case, the linear order of subject and verb, determine the interpretation of the coordinate phrase in terms of the semantics of plurality.

Keywords: coordination, subject-verb agreement, partial agreement, correlative conjunction, corpus

ВВЕДЕНИЕ

Во многих, в том числе типологически несходных, языках распространенным является феномен «частичного согласования» (partial agreement) глагола с сочиненным подлежащим ([Corbett 1983; 2006; Munn 1999; Sadler 2003; Санников 2008] и др.)¹. Речь идет о случаях, когда глагол согласуется (по крайней мере, на первый взгляд) не с совокупностью конъюнктов, а только с одним из них. Ср. пример частичного согласования в числе из русского языка:

- (1) *Его мучит рефлексия и ирония – эти страсти развитого ума* [И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь» (2002)].

Как правило, глагол согласуется с линейно ближайшим конъюнктом:

- (2) *У Сережи моментально менялся (*-лось) тон и выражение лица.*

В существенно меньшем числе языков контролером согласования может быть дистантно расположенный конъюнкт. По данным [Corbett 1983], такое возможно в латыни,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00179 и Программы стратегического развития РГГУ.

сербохорватском и словенском. Ср. примеры частичного согласования в роде из словенского:

- (3) *Groza in strah je prevzela vso vas.*
horror.FEM.SG and fear.MASC.SG has seized.FEM.SG the-whole village
'Horror and fear have seized the whole village' [Corbett 1983: 180].

Предмет нашего рассмотрения – частичное согласование по числу в конструкции с повторяющимся сочинительным союзом (КПС) в русском языке. Мы стремимся предложить этому явлению такую трактовку, которая учитывала бы по возможности все его особенности, формальные и семантические, и одновременно объясняла бы сам факт существования частичного согласования.

Поясним, почему выбран повторяющийся союз. Оказалось, что в вопросе частичного согласования повторяющийся союз является более удобным материалом для исследования, чем одиночный. Дело в том, что семантические особенности повторяющегося союза, отсутствующие у одиночного, подчеркивают семантические особенности конструкции с частичным согласованием и тем самым обнажают эти особенности. По этой причине выводы, полученные в работе, не могут быть непосредственно перенесены на одиночный союз.

Говоря коротко, предлагаемая трактовка частичного vs. стандартного согласования в КПС сводится к следующему. Выбор между частичным и стандартным согласованием влияет на интерпретацию сочиненного подлежащего в терминах семантики множественности. Множественное число глагола при стандартном согласовании (ср.: *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжали*) индуцирует интерпретацию сочиненного подлежащего как множества индивидуализированных объектов. Семантика единственного числа глагола при частичном согласовании (ср.: *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал*) зависит от семантики повторяющегося союза. В целом возможностей здесь две: конъюнкты интерпретируются как отдельные или, наоборот, как объединенные сущности. Сразу обе эти возможности реализуются только в конструкции с соединительным союзом *и...и*, в зависимости от взаимного расположения глагола и сочиненного подлежащего. А именно, постпозиция глагола ведет к объединенной, препозиция – к отдельной интерпретации конъюнктов. В конструкциях с другими рассматриваемыми союзами, в значение которых входит разделительный компонент (*ни...ни*, *или...или*, *то...то*), единственное число глагола независимо от линейного порядка индуцирует отдельную интерпретацию конъюнктов. Семантическая специфика стандартного и частичного согласования, кроме того, особым образом взаимодействует с важной особенностью повторяющегося союза: такой союз требует дистрибутивной интерпретации конъюнктов (ср. невозможность взаимной соотнесенности конъюнктов с предикатом: **И Петя, и Вася похожи*). Семантика согласования может подкреплять эту дистрибутивность (при отдельной интерпретации конъюнктов) или ослаблять ее (при объединенной интерпретации), образуя разные виды, или степени, дистрибутивности. В целом функциональное назначение частичного согласования видится в том, чтобы дифференцировать разные семантические типы единичности / множественности.

Специфическая трудность при исследовании семантики частичного и стандартного согласования состояла в том, что обсуждаемые семантические различия часто не имеют непосредственного, наглядного проявления. Так, произвольно взятая пара примеров, скажем, с союзом *ни...ни*, различающихся только типом согласования (ср.: *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал / -ли*), не позволяет убедительно показать, что множественное число сказуемого индуцирует интерпретацию подлежащего как множества индивидуализированных объектов, а единственное число – как отдельных сущностей. Предполагаемые различия проявляются косвенно: во-первых, в некоторых специальных контекстах, и во-вторых – в том, что факторы, определяющие выбор между частичным и стандартным согласованием, сами по себе объясняются на основе об-

суждаемых различий в семантике. Наша цель, таким образом, состояла в экспликации таких неочевидных проявлений.

В статье рассмотрены четыре повторяющихся сочинительных союза: *и...и*, *ни...ни*, *или...или*, *то...то*. Наиболее подробно рассмотрен самый частотный из них – союз *и...и*. В ходе изучения частичного согласования в терминах семантики множественности необходимым оказалось выявить и классифицировать для каждого союза в отдельности факторы, разрешающие частичное согласование. Хотя общий набор таких факторов известен, он изучен в основном на материале одиночного союза *и*; другие союзы, тем более повторяющиеся, насколько нам известно, подробно и системно не рассматривались.

Статья имеет следующую структуру.

В разделе 1 перечислены основные факторы, определяющие допустимость частичного согласования при сочинении. В разделе 2 проведена корпусная проверка этих факторов на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) для повторяющегося союза *и...и*. В разделе 3 изложена и обоснована семантическая трактовка стандартного и частичного согласования в конструкции с *и...и*. В разделах 4, 5 и 6 в аналогичном семантическом ракурсе рассмотрены союзы *ни...ни*, *или...или* и *то...то* соответственно.

1. СТАНДАРТНОЕ vs. ЧАСТИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ: РЕЛЕВАНТНЫЕ ФАКТОРЫ

Факторы, влияющие на выбор единственного числа глагола в сочинительной конструкции, известны и систематизированы ([Пешковский 1928/2001; Перетрухин 1979; РГ 1980; Граудина и др. 2008; Санников 2008] и др.). Это, прежде всего, следующие факторы²:

- 1) выбору единственного числа способствует препозиция глагола;
- 2) вероятность выбора единственного числа глагола максимальна при неодушевленных конъюнктах абстрактной семантики и минимальна при конъюнктах, обозначающих имена собственные;
- 3) выбору единственного числа способствует отсутствие у глагола характеристик рода;
- 4) в прошедшем времени (т.е. при наличии у глагола характеристики рода) выбору единственного числа способствует совпадение рода у всех конъюнктов.

Факторы 1–4 можно изобразить в виде иерархий, характеризующих вероятность единственного числа глагола (чем выше по иерархии, тем вероятнее единственное число):

- 1'. Постпозиция глагола (порядок SV) < препозиция глагола (порядок VS).
- 2'. Имена собственные < одушевленные нарицательные < неодушевленные конкретные < неодушевленные абстрактные.
- 3'. Прошедшее время < настоящее / будущее время.
- 4'. В прошедшем времени: род не совпадает < род совпадает.

Приведем объяснение для каждой из иерархий.

Иерархия 1' убедительно объяснена А.М. Пешковским [Пешковский 1928/2001: 450]: «Когда сказуемое стоит перед подлежащими, оно склонно согласоваться с ближайшим из них, когда же оно стоит после подлежащих, оно предпочитает объединить собой всех их. Причина этого различия очень проста: объединение в мысли того, что еще последует, труднее для говорящего <...>. Наоборот, объединить мыслью то, что уже сказано, – дело совершенно естественное».

² Перечисленные ниже факторы являются слабыми, в том смысле что они способствуют частичному согласованию, но не определяют его заведомо. Сильные факторы, однозначно определяющие модель согласования (например, интерпозиция сказуемого, ср.: *И семга надоела (*-и), и икра*), мы не рассматриваем, поскольку нас интересуют прежде всего причины колебаний между стандартным и частичным согласованием.

Объяснение иерархии 2' предложено в [Кодзасов 1987]; правда, оно касается действия данной иерархии при частичном согласовании с сочиненным подлежащим не глагола, а атрибутивного прилагательного (*белая шляпка и блузка* и т. п.). Тем не менее, поскольку релевантная иерархия одна и та же, можно ожидать, что и закономерности, лежащие в ее основе, совпадают для случаев прилагательного и глагола. Приведем пространную цитату из названной работы:

«В собранном нами массиве примеров сингулярная форма определений при абстрактных конъюнктах почти не знает исключений. <...> Вероятно, здесь действуют две причины. Первая состоит в том, что абстрактным конъюнктам не соответствует объективная материальная связь, т.е. пространственная, временная или функциональная близость. Их соединение носит чисто интеллектуальный характер и не подкрепляется соответствующими чувственными образами. Поэтому они подвергаются атрибуции не как парное множество, а как отдельные сущности. Вторая причина состоит в том, что плюральная форма атрибута как бы предполагает счетность элементов, входящих в определяемое множество, а это противоречит неисчисляемости абстрактных имен» [Там же: 217].

К обсуждению данного объяснения мы вернемся в разделе 3.3.

Наконец, иерархии 3' и 4' объяснены в [Санников 2008: 159, 160]. Совпадение характеристик рода у всех подлежащих облегчает выбор единственного числа сказуемого (иерархия 4') потому, что «это сказуемое оказывается потенциально согласующимся с каждым из сочиненных подлежащих». Данного вопроса вообще не возникает, если у сказуемого отсутствуют характеристики рода – отсюда иерархия 3'.

2. КОРПУСНАЯ ПРОВЕРКА РЕЛЕВАНТНЫХ ФАКТОРОВ

Наш анализ направлен на иллюстрацию иерархий 1'–4' для случая союза *и...и* как самого частотного повторяющегося союза. Судя по данным НКРЯ, все четыре иерархии для *и...и* релевантны. Этот факт демонстрируется ниже в таблице 1.

Обратим внимание, что количественные данные представлены не вполне традиционно – не в конкретных цифрах, а в общих обозначениях «МНОГО ПРИМЕРОВ» (МП, если соответствующих примеров в корпусе нашлось более четырех) и «ЕДИНИЧНЫЕ ПРИМЕРЫ» (ЕП; если примеров нашлось четыре и менее). Граница, установленная на «четверке», выбрана достаточно условно, поэтому такой способ подсчета, конечно, огрубляет реальное положение дел. Так, с одной стороны, ярлыками «много» и «единичные примеры» оказываются разграничены случаи, для которых число найденных примеров равняется четырем и пяти, т.е. отличается всего на единицу. С другой стороны, ярлыком «много примеров» оказываются отождествлены случаи, для которых разница в количестве найденных примеров исчисляется десятками. Тем не менее не кажется, что такое огрубление способно существенно исказить общий результат. Для наших целей главное, что принятый способ работы с корпусом позволяет видеть явные контрасты в степени приемлемости частичного согласования при разных наборах параметров. Действительно, если примеров, отвечающих некоторым параметрам, нашлось пять и более, можно заключить, что конструкция при соответствующих параметрах в целом стандартна. Если примеров два-три, конструкция, по-видимому, экзотична. Наконец, если примеров не находится вовсе, правомерно заключить о сомнительности конструкции. Данное разграничение между стандартными, экзотичными и сомнительными конструкциями мы и видели своей задачей.

Преимуществом допущенного нами статистического огрубления стала наглядность в изображении материала: в таблице 1 согласованное действие факторов 1–4 представлено в виде цельной картины, без отвлечения на малозначимые (в контексте поставленной задачи) колебания цифр. «Малозначимой» в нашем случае можно считать разницу между, скажем, результатом в 10 и результатом в 20 примеров: оба результата свидетельствуют о стандартности конструкции.

Оговорим, что при поиске в корпусе из рассмотрения были исключены следующие случаи (некоторые для простоты, некоторые потому, что заведомо определяют граммему числа сказуемого):

- конструкции, где один или оба конъюнкта имеют форму множественного числа;
- конструкции с интерпозицией сказуемого, где сказуемое очевидным образом согласуется только с предшествующим конъюнктом, а не с сочиненной группой (ср.: *В раю и зима была, и лето, а про дома не говорится* [А. Иличевский. Перс (2009)]);
- конструкции, где сочиненной группе предшествуют обобщающие местоимения типа *все, ничего* и т. п., поскольку сказуемое согласуется тогда с этим местоимением, а не с сочиненной группой (ср.: *Вначале Петров-Водкин требовал, чтобы всё – и натурщица и фон – было выполнено одним синим цветом* [Н. Чушкин. В. Дмитриев. Творческий путь (Записи бесед, выписки, наброски и др. материалы) (1948)]);
- конструкции с конъюнктами, выраженными субстантивированными причастиями или прилагательными среднего рода – в этом случае сказуемое с высокой вероятностью принимает форму единственного числа независимо от других факторов [Санников 2008: 153], ср.: *Он изменился. И старое и новое похорошело* [Е. Гиль. Свидание с юностью (2003) // «Вестник США»];
- конструкции со сказуемым в будущем времени – для проверки иерархии 3' мы ограничились сравнением настоящего и прошедшего времени глагола;
- конструкции, где сказуемое выражено формами глагола *быть*, омонимичными с точки зрения числа (ср.: *Я люблю «Совенок» – и тепло и выбор есть* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)]);
- конструкции, где конъюнкты и глагол расположены неконтактно.

Таблица 1 организована следующим образом. Столбцы различают разные семантические типы существительного: неодушевленные, среди них абстрактные и конкретные, и одушевленные, среди них нарицательные и собственные. Строки различают два порядка слов – с препозицией и постпозицией сказуемого; внутри каждого порядка – настоящее и прошедшее время сказуемого, и внутри последнего случая – совпадение и несовпадение рода у конъюнктов.

Как видно из таблицы, данные корпуса подтверждают согласованное действие иерархий 1'–4'. Самой сильной, судя по таблице, является иерархия 1': при порядке VS, благоприятствующем частичному согласованию, примеров нашлось «много» независимо от значения других параметров. Другие иерархии проявили себя при порядке SV: по мере прохождения вниз по иерархиям, т.е. от наибольшей вероятности единственного числа к наименьшей (от существительных абстрактной семантики к именам людей, от настоящего времени сказуемого к прошедшему и т.д.), планомерно снижается и количество найденных примеров. Единственное отклонение от ожидаемого результата касается разницы между «неодушевленными конкретными» и «одушевленными нарицательными» конъюнктами в графе «SV, наст. вр.»: во втором случае, вопреки ожиданиям, примеров больше, чем в первом. Однако это отклонение объяснимо, если учитывать специфику одушевленных нарицательных конъюнктов.

Такие конъюнкты делятся на две группы: референтные и нереферентные ИГ (именные группы). Известно (см., например, [Санников 2008: 157]), что выбору единственного числа глагола способствуют нереферентные ИГ (поскольку приближаются к абстрактным существительным), а референтные ИГ, напротив, препятствуют единственному числу (поскольку приближаются к именам людей). Ср. примеры:

- (4) *?Сам постыдный плотский грех никак не назывался – и прокурор, и адвокат, и свидетель вынужден был говорить обиняками.
- (5) Бывает, что и вор, и преступник постучится в нашу дверь [митрополит Антоний (Блум). Исцеление гергесинских бесноватых (1981)].
- (6) Все двери перед ним – настезь, и штатский, и военный почитает за честь находиться в его обществе [Я. Козловский. Мошенство копировщика (1999) // «Дружба народов»].

Таблица 1

Семантические типы компонентов (СТК)		Неодуш. абстрактные	Неодуш. конкретные	Одуш. нарицательные	Собственные
Линейный порядок компонентов (ЛПК)					
порядок VS	Наст. вр.	МП: <i>От этого – от мысли – идет и фантазия, и теперамент, и то, что в результате остается в памяти у зрителей</i> [В. Давыдов. Театр моей мечты (2004)].	МП: <i>При этом, разумеется, исчезает и выпивка и закуска</i> [Ф. Чернин. Вячик Слонимов и его путешествие в непонятное // «Звезда» (2002)].	МП: <i>В это верит и епископ, и мирянин, и священник, и диакон, а если не верит, – то нет у него и Церкви</i> [Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире (1992)].	МП: <i>Вздыхает и Горкин, и Домна Панферовна. А кругом весело, ярко, зелено</i> [И. Шмелев. Богомолье (1930–1931)].
	Пр. вр.	Совп. род	МП: <i>«И под каждым ей кустом был и стул, и дом»</i> [Н. Коляда. Барак (1987)].	МП: <i><...> так же ходил и отец, и дед, и прадед</i> [В. Белов. За тремя волоками (1965)].	МП: <i>Среди явившихся из ночи и в ночь же ушедших по хлюпким грязям был и Семен и Гурей, названный брат Жибанды</i> [Л. Леонов. Барсуки (1924)].
		Несовп. род	МП: <i>Я знал, как у Сережи моментально менялся и тон, и выражение лица</i> [М. Александер. Сережа. Быль (2003) // «Вестник США»].	МП: <i>Вместе с Отариком погибла и партия, и фонд социальной защиты спортсменов</i> [Г. Кучерена. Бал беззакония (2000)].	МП: <i>Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке</i> [В. Панова. Спутники (1945)].

порядок SV	Наст. вр.		МП: <i>Сидишь один – и смех, и зло разбирает</i> [П. Гнедич. Книга жизни (1918)].	ЕП: <i>И картошка, невесть кем посаженная, в огороде растет, и подсолнух, и кукуруза зреет</i> [А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)].	МП: <i>Все двери перед ним – настезь, и штатский, и военный почитает за честь находиться в его обществе</i> [Я. Козловский. Мошенство копировщика (1999)].
	Пр. вр.	Совп. род	ЕП: <i>И смех, и ужас напал на меня, – хлад мраза тонка, как говорят мистики</i> [Д. Мережковский. Александр Первый (1922)].	ЕП: <i>Мне хотелось тоже попить чайку, у меня и чай, и сахар был</i> [Ф. Решетников. Очерки обозной жизни (1867)].	ЕП: для случая общий род + женский род: <i>Сложились мы все – кому как сила – и сирота и вдова дала – всяк дал; на, говорят, Сидорыч, иди; ищи защиту</i> [А. Сухово-Кобылин. Дело (1861)].
		Несовп. род	ЕП: <i>Я всегда люблю приличные разговоры; чтобы, как говорят, вместе и услаждение и назидательность была</i> [Н. Гоголь. Вчера на хуторе близ Диканьки: предисловие ко второй части (1831–1832)].		

Именно оппозиция референтных vs. нереферентных существительных стоит за тем, что для параметров «SV, нарицательные, наст. вр.» примеров обнаружено больше, чем в аналогичном случае с неодушевленными конкретными конъюнктами. Дело в том, что во всех примерах с нарицательными конъюнктами (семь примеров) фигурируют нереферентные конъюнкты, а такие конъюнкты, повторим, сближаются с существительными абстрактной семантики. Последние же, в соответствии с иерархией 2', благоприятствуют частичному согласованию больше, чем конкретные существительные.

Действием того же фактора можно объяснить и разницу между столбцами «одушевленные нарицательные» и «собственные» при порядке SV (наличие примеров в первом, но не во втором случае). Так, при настоящем времени сказуемого для случая нарицательных конъюнктов в корпусе, как сказано выше, обнаруживаются исключительно примеры с нереферентными конъюнктами. При аналогичном сочетании параметров, но конъюнктах – именах людей (естественно, референтных), примеров, как видно из таблицы 1, не найдено.

3. ЧАСТИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ И...И: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Известно, что частичное согласование менее распространено при соединительных союзах (*и, и...и* и др.), чем при разделительных (*или, или...или* и др.). Это связано с тем, что соединительный союз семантически предрасполагает к множественному числу глагола, тогда как разделительный, наоборот, предрасполагает к единственному числу. Тем самым частичное согласование при соединительном союзе, в отличие от разделительного, не может быть объяснено очевидными семантическими причинами, и потому представляет особый интерес.

Настоящий раздел посвящен выявлению семантической специфики частичного согласования при соединительном союзе *и...и*. Будучи центральным повторяющимся союзом соединительной семантики, он в контексте нашей темы прежде всего заслуживает внимания (о других союзах см. ниже).

3.1. Частичное vs. стандартное согласование в конструкции с союзом и...и: основная семантическая закономерность

Наша основная гипотеза состоит в том, что в конструкции с *и...и* выбор между стандартным и частичным согласованием, а в последнем случае – выбор между линейным порядком VS и SV влияет на семантическую интерпретацию конъюнктов.

(7) Основная семантическая гипотеза

- а. При стандартном согласовании в конструкции с союзом *и...и* конъюнкты интерпретируются как множество индивидуализированных объектов.
- б. При частичном согласовании в конструкции с союзом *и...и* интерпретация зависит от порядка слов:
 1. При порядке VS конъюнкты интерпретируются как отдельные объекты.
 2. При порядке SV конъюнкты интерпретируются как объединенные объекты³.

Введенные понятия «отдельности» и «объединенности» ниже будут уточнены (раздел 3.2).

Следующие два раздела посвящены обоснованию Гипотезы (7).

³ Термин «объекты» употреблен до некоторой степени условно: в случае абстрактных конъюнктов точнее было бы говорить не об объектах, а, скажем, о «сущностях». В дальнейшем этим различием мы пренебрегаем.

3.2. Основная закономерность: прямые аргументы

Под прямой аргументацией мы понимаем аргументацию на материале примеров, в которых закономерность (7) непосредственно проявляется.

Рассмотрим следующие контрастирующие примеры:

(8) а. *Это была и правда и неправда* [А. Солженицын. В круге первом (1968)].

б. **Это были и правда, и неправда.*

в. *В его словах была/были и правда, и неправда.*

г. *Это были и удивление, и любовь.*

Данные примеры относятся к особому типу биноминативных конструкций, в которых затруднена идентификация подлежащего и сказуемого [Падучева, Успенский 1979/2002]. Поэтому, строго говоря, такая проблемная конструкция – не лучший материал для иллюстрации. Тем не менее используем его, потому что в нем, с одной стороны, ярко проявляется обсуждаемый тезис (7), а с другой, наблюдаемый контраст между примерами вряд ли можно отнести к грамматике; ср. структурно идентичные примеры (8б) и (8г).

В примерах (8а, б) лексическими средствами подчеркнута отдельность конъюнктов. Отдельность подчеркивается тем, что утверждается: нечто имело свойство X и свойство не-X; ясно, что обладать свойствами X и не-X должны разные – отдельные! – части этого «нечто».

Наше предположение, согласно Гипотезе (7), состоит в том, что примеры (8а, б) – с частичным согласованием при порядке VS и стандартным согласованием соответственно – подразумевают выбор между отдельной интерпретацией конъюнктов в (8а) и их интерпретацией как множества в (8б). Ввиду того, что здесь лексически акцентирована «отдельность», единственным допустимым оказывается вариант (8а) с частичным согласованием – как и предсказывается Гипотезой.

Почему при этом допустим пример (8в)? Если (8б) представляет собой предложение тождества, то (8в) – бытийное предложение (о типах предложения см. [Арутюнова 1976]). В (8б) один и тот же объект отождествляется с двумя противоположными свойствами; отсюда неизбежно противоречие, порождающее акцент на отдельных «частях» этого объекта. В (8в) противоположные свойства не отождествляются с объектом, а локализуются на «территории». Но на одной и той же территории могут сосуществовать самые разные свойства; поэтому противоречие менее выражено и сопутствующего акцента на отдельности не возникает.

Тем более нет акцента на отдельности в (8г).

Аналогично:

(9) а. *Это был и рай и ад.*

б. **Это были и рай и ад / и добро и зло / и счастье и горе / и вера и неверие / и т.д.*

в. *?Там, откуда мы вернулись, были и рай и ад.*

г. *?Внутри нас были и рай и ад.*

Хотя примеры (9в, г), как и (8в) – бытийные предложения, при данном лексическом наполнении в них частично присутствует тот же эффект, что и в предложениях тождества (8б) и (9б): подчеркнута отдельность конъюнктов и поэтому сомнительно множественное число глагола.

До сих пор мы сравнивали частичное и стандартное согласование при порядке VS. Чтобы аргументировать предложенное семантическое разграничение порядков VS и SV при частичном согласовании, требовалось бы убедиться, что недопустимые предложения типа (8б, 9б) приемлемы при постпозиции глагола. Однако данный тип предложения тождества невозможен с постпозитивным глаголом, поскольку анафорическое *это* не может выступать в заключительной рематической позиции (**И правда и неправда были это*). Поэтому единственное, что мы здесь можем сделать – сравнить с «постпози-

тивными» аналогами бытийные предложения (9в, г). Как и ожидается, примеры (9в, г), сомнительные при препозиции глагола, заметно улучшаются при его постпозиции:

- (10) а. *И рай и ад были там, откуда мы вернулись.*
б. *И рай и ад были внутри нас.*

Согласно нашему предположению, пример (10а) лучше примера (9в), а (10б) – лучше (9г) потому, что отдельность конъюнктов, подчеркнутая лексическим составом, требует единственного числа глагола при порядке VS, но не SV.

Впрочем, сказанное подтверждает только, что порядок SV, в отличие от VS, не сопряжен с интерпретацией конъюнктов как отдельных объектов (тезис (7б.1)), однако необходимость их интерпретации как «объединенных объектов» при порядке SV (тезис (7б.2)) из приведенных примеров не следует. Последовательному обоснованию части (б) Гипотезы (7), касающейся частичного согласования, посвящен дальнейший материал раздела.

Прежде всего уточним, что в нашем понимании значит интерпретировать конъюнкты как «отдельные vs. объединенные объекты» (ниже для простоты используются ярлыки «отдельная vs. объединенная интерпретация»). Данное уточнение, в свою очередь, требует от нас остановиться на некоторых особенностях повторяющегося союза, поскольку такой союз сам по себе накладывает ряд ограничений на семантику конъюнктов.

Отступление. Семантические особенности повторяющихся союзов.

Повторяющиеся союзы, в том числе *и...и*, обладают следующими семантическими свойствами ([Haspelmath 2007: 15], см. также [Пекелис 2012]). В конструкции с повторяющимся союзом:

- (11) а. подчеркивается, что каждый конъюнкт участвует в сочинении;
б. каждый конъюнкт по отдельности соотносится с предикатом.

Относительно (11а) уточним, что под «конъюнктом» здесь понимается «терм или ситуация, выражаемая конъюнктом», т.е. единица семантической, а не синтаксической природы. Согласно (11а), повторяющийся союз подчеркивает, что выражаемое им отношение затрагивает обе ситуации / терма (в отличие от одиночного союза, который данный смысл выражает, но не акцентирует). Ср. примеры (12, 13) с повторяющимся и одиночным *и*: в первом примере, по сравнению со вторым, акцентирован тот факт, что выгоду из миграции извлекают обе соответствующие конъюнктам единицы – банки и правительства; в примере с одиночным *и* этот факт сообщен без специального акцента.

- (12) <...> *и банки, и правительства учатся извлекать выгоды из миграции* [«Вопросы статистики» (2004)].

- (13) *Банки и правительства учатся извлекать выгоды из миграции.*

Свойство (11б) проявляется, в частности, в том, что при повторяющемся союзе недопустим так называемый «симметричный предикат», соотносящий конъюнкты друг с другом:

- (14) **И испанский, и португальский похожи.*

- (15) **И Миша, и Катя целуются* – невозможно в «симметричном» понимании ('друг с другом').

Интерпретацию сочиненного подлежащего, при которой конъюнкты соотносятся с общим предикатом по отдельности, принято называть дистрибутивной. Свойство (11б), таким образом, означает, что повторяющийся союз обязывает к дистрибутивной интерпретации конъюнктов.

Вернемся к обсуждению основной Гипотезы (7) – точнее, ее части (б).

Под интерпретацией конъюнктов как «объединенных объектов» при порядке SV (тезис (7б.2)) мы понимаем их **объединение в некоторую собирательную общность**. Так, в примере (16) антонимичные (в данном контексте) конъюнкты *девчонка – мальчишка* индуцируют понимание ‘каждый, всякий внук любит бабушку любой’.

(16) *И девчонка, и мальчишка, Любит бабушку любой!* [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005)].

Аналогично, в предложении *И чай, и сахар у меня был* конъюнкты объединяются в собирательную общность ‘все, необходимое для чаепития’.

Тому, чтобы реализовалась указанная объединенная интерпретация конъюнктов, способствует свойство (11а) повторяющегося союза (подчеркивание того, что «каждый конъюнкт участвует в сочинении»). Именно из-за данного свойства союз *и...и* легко индуцирует значение цельности, всеобщности и сочетается с местоимениями *все, всё*. Ср.:

(17) *И костюмы, и говор, и игры, и фольклорные песни – всё позволяет отнести его к народному театру (не по форме, а по сути)* [Классика на школьной сцене // «Народное творчество» (2004)].

Не случайно в [Урысон 2011: 306] для *и...и* предложен термин «*и* исчерпанного множества».

Обратим внимание, что второе свойство повторяющегося союза – обязательность дистрибутивной интерпретации конъюнктов – наоборот, в некотором смысле противодействует объединенной интерпретации. При порядке SV, таким образом, имеет место своего рода «сниженная дистрибутивность»: конъюнкты интерпретируются как собирательная общность, частные представители которой, однако, по отдельности соотносятся с предикатом.

При порядке VS, наоборот, дистрибутивность прототипическая: конъюнкты не только по отдельности соотносятся с предикатом, но и, в соответствии с тезисом (7б.1), интерпретируются как отдельные объекты. Под отдельностью мы понимаем **любое, подсказанное контекстом, разъединение объектов**. Это разъединение может обеспечиваться самыми разнородными факторами, из которых ниже приводятся два: пространственно-временная разделенность объектов, выражаемых конъюнктами, и различие в семантико-коммуникативном весе конъюнктов. Вопрос о том, как еще может реализовываться отдельность конъюнктов, мы оставляем в настоящей работе открытым.

С учетом приведенных уточнений обратимся к примерам:

(18) а. ?*Ко мне сегодня уже заходил и Коля, и Петя.*
б. **Вместе со мной гуляет / идет и Коля, и Петя.*
в. **И Коля, и Петя ко мне сегодня уже заходил.*

В (18а) и (18б) представлен порядок VS. Объясним различие в приемлемости данных примеров, опираясь на нашу интерпретацию частичного согласования при данном порядке (тезис (7б.1)).

И в (18а), и в (18б) конъюнкты – имена собственные. Напомним, что имена собственные в наименьшей степени, по сравнению с другими типами существительных, совместимы с частичным согласованием. Следовательно, семантический тип конъюнктов

и в (18а), и в (18б) препятствует частичному согласованию. Однако в (18а) действует фактор, который отсутствует в (18б) и который в (18а) частичному согласованию способствует. Этот фактор – глагол *заходить*: выражаемый им смысл ‘приходить ненадолго’ и несовершенный вид, связанный с повторяемостью и хабитуальностью действий, ведут к тому, что ‘приход Коли’ и ‘приход Пети’ могут интерпретироваться как события, разнесенные во времени (‘Петя и Коля заходили в разное время’). Именно это, как представляется, обеспечивает «отдельную» интерпретацию конъюнктов и делает частичное согласование в (18а) относительно приемлемым, несмотря на конъюнкты – имена собственные. Напротив, в примере (18б) такая разнесенность во времени – отдельность – блокирована лексическим составом предложения (*гуляет вместе со мной*). Поэтому в примере (18б) частичное согласование недопустимо.

Контраст между примерами (18а) и (18б) свидетельствует в пользу части (б1) Гипотезы (7): отдельная интерпретация при препозиции глагола. Чтобы проверить часть (б2) (объединенная интерпретация при постпозиции глагола), следовало бы убедиться, что при порядке SV пример (18а) недопустим, что мы и видим в (18в). Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что пример (18в), в действительности, не показателен: его неприемлемость в первую очередь связана с тем, что при порядке SV и конъюнктах – именах собственных частичное согласование вообще недопустимо (см. таблицу 1).

Аналогичным соотношением связана следующая тройка примеров:

- (19) а. *Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке* [В. Панова. Спутники (1945)].
б. ?*Записался и Иван, и Мария.*
в. **И сестра Фаина, и Низвецкий записался.*

Контраст между (19а) и (19б) снова свидетельствует в пользу части (б1) Гипотезы (7). В (19а) определенное несходство и, значит, отдельность конъюнктов обеспечивается их лексико-семантической разнородностью (*Низвецкий, сестра Фаина*). В (19б), наоборот, конъюнкты выражено однородны в лексико-семантическом отношении (*Иван, Мария*) – отсюда затрудненность отдельной интерпретации конъюнктов, а следовательно, и частичного согласования. В (19в), где линейный порядок противоположен порядку в (19а), частичное согласование неприемлемо, что как будто согласуется с частью (б2) утверждения (7). Однако и здесь этот контраст непоказателен, потому что неприемлемость единственного числа глагола в (19в) связана прежде всего с общим запретом на частичное согласование при конъюнктах – именах собственных и порядке SV.

Для аргументации тезиса (7б.2) следовало бы рассмотреть примеры, где запрет на частичное согласование при порядке SV связан только с невозможностью объединенной интерпретации, но не с другими посторонними факторами.

Именно таковы следующие примеры:

- (20) а. <Кто только ни побывал триумфатором.> *И стар и млад, и штатский и военный побеждал в этом соревновании.*
б. <Проигравших не было.> ?*И стар и млад, и штатский и военный победил в этом соревновании.*
в. <Проигравших не было.> *В этом соревновании победил и штатский, и военный.*

В (20а) частичное согласование приемлемо, в (20б) – сомнительно, при том что (20а) и (20б) различаются только контекстом и видом глагола; никакие факторы из известных в литературе (см. раздел 1) здесь не фигурируют. В чем же причина?

Семантика концепта «победы» в общем случае предполагает, что победитель находится на особом положении; его наделяет этим особым, обособленным положением сам факт победы. В примере (20б) контекст и совершенный вид глагола, выражающий однократность события, индуцируют понимание: ‘и стар и млад, и штатский и воен-

ный стали победителями **одного и того же соревнования**'. Тем самым победители противопоставлены друг другу как победившие в рамках одного и того же события. Такая противопоставленность подчеркнута указанной онтологической особенностью концепта победы. С этим, как мы предполагаем, и связана сомнительность частичного согласования в (20б): с одной стороны – противопоставленность конъюнктов, с другой – постпозиция глагола, предполагающая, наоборот, их объединенность.

Почему тот же эффект не «срабатывает» в примере (20а)? В (20а) контекстом и несовершенным видом глагола подсказано понимание, при котором победы разных победителей имели место в разные годы, а не в рамках одного и того же соревнования. Поэтому не возникает, как в (20б), противопоставленности конъюнктов, несовместимой с объединенной интерпретацией при порядке SV.

Здесь необходимо разъяснить одно кажущееся противоречие. Выше мы назвали пространственно-временную разделенность ситуаций фактором, индуцирующим отдельную интерпретацию. Почему же теперь мы говорим, что «победа в разные годы» – это, наоборот, объединяющий фактор?

Дело в том, что «объединенность» и «отдельность» конъюнктов устроены, по-видимому, асимметричным образом. Отдельность обеспечивается непосредственно: разного рода разъединяющими факторами. Объединенность же обеспечивается «от противного»: отсутствием разъединяющих факторов. Именно поэтому противопоставленность победителей в рамках одного соревнования – наличие разъединяющего фактора – затрудняет частичное согласование, а отсутствие такой противопоставленности ему способствует. При этом неважно, что средством, обеспечивающим отсутствие противопоставленности, является разделенность во времени («победа в разные годы»): это означает только, что противопоставленность победителей в рамках одного соревнования – более сильный разъединяющий фактор, чем временная разделенность. Последнее, в свою очередь, свидетельствует о том, что разъединяющий фактор, достаточный для обеспечения отдельной интерпретации при порядке VS, при порядке SV может не «срабатывать»: его разъединяющей силы может оказаться недостаточно, чтобы воспрепятствовать объединенной интерпретации и, далее, частичному согласованию при порядке SV⁴.

Вернемся к рассмотрению примеров. В примере (20в), отличающемся от сомнительного (20б) только линейным порядком, частичное согласование не затруднено потому, что порядок VS предполагает не объединенную, а отдельную интерпретацию, и указанного конфликта не возникает. Отметим, впрочем, что пример (20в) снова не вполне показателен: нельзя исключать, что здесь дело не в «отдельности», а в общем приоритете порядка VS над SV при частичном согласовании. Поэтому для строгости обоснования лучше не сравнивать порядки SV и VS, а независимо иллюстрировать необходимость объединенной интерпретации при SV и отдельной при VS. Так мы и поступали выше.

Еще примеры:

- (21) а. *<Триумфаторами этого соревнования побывали самые разные люди.> И спортсмен, и пенсионер добирался до финиша.*
б. *<Проигравших не было.> ?И спортсмен, и пенсионер добрался до финиша.*
в. *<Проигравших не было.> До финиша добрался и спортсмен, и пенсионер.*

⁴ Чем объяснить указанную асимметрию объединенной и отдельной интерпретации? Возможно, самой природой понятий объединенности и отдельности. Отдельность – неопредельное понятие: об отдельности можно говорить при наличии хотя бы одного разъединяющего фактора; все прочие разъединяющие факторы будут просто увеличивать степень этой отдельности. Объединенность между тем имеет предел: объединенными естественно называть такие объекты, которые объединены полностью (ср. неправомерность **полностью отдельны*). Поэтому при оценке того, имеет ли место объединенность или нет, существенной оказывается степень объединенности. Поскольку же общих критериев для определения этой степени нет, удобным оказывается оценивать объединенность от противного: с опорой на то, что препятствует объединенности.

Здесь другими лексическими средствами выражен тот же самый концепт победы. В (21а), за счет контекста и несовершенного вида глагола, речь идет о победах в разные годы, поэтому акцента на противопоставленности победителей в рамках одного и того же соревнования не возникает. Но такой акцент возникает в (21б), откуда шероховатость предложения. Напротив, при порядке VS, способствующем отдельной интерпретации, совершенный вид глагола не препятствует частичному согласованию (что, впрочем, опять не вполне показательно).

Обратимся к примерам другого рода:

- (22) а. <Маше все симпатизировали.> И сосед, и одноклассник мечтал с ней увидеться.
б. <Машу встречали очень тепло.> ?И сосед, и одноклассник бросил все дела, чтобы с ней увидеться.

Пример (22б), где частичное согласование сомнительно, и пример (22а), где оно приемлемо, различаются семантикой сказуемого: в (22б) сказуемое имеет более агентивный характер, чем в (22а). Какое отношение это различие имеет к частичному согласованию?

Агентивность принято связывать с наличием у агенса инициативы, воли и ответственности в совершении соответствующего действия. В нашем случае имеем два агенса, у каждого из которых своя воля, ответственность и т.д. Тем самым два конъюнкта разделены наличием двух (разных) активных начал. Напротив, пациентивность связывают с отсутствием у пациенса воли и ответственности в совершении действия. Если в примере (22б) видим две разные воли (разъединяющий фактор), то в (22а) – отсутствие воли (объединяющий фактор)⁵. Поэтому (22а) скорее, чем (22б), допускает частичное согласование.

В (22б), кроме того, сказывается тот же эффект, что и в примерах (20, 21а–в) выше: совершенный вид глагола подразумевает, что действие *бросить все дела* было совершено участниками примерно в одно время, а это усиливает противопоставленность двух активных начал. Напротив, несовершенный вид глагола в (22а) способствует отсутствию противопоставленности.

Фактор агентивности затрудняет частичное согласование и в следующем примере (23б) (ср. с (23а), где агентивность отсутствует):

- (23) а. Мне хотелось тоже попить чайку, у меня и чай, и сахар был [Ф. Решетников. Очерки обочной жизни (1867)].
б. ?*И чай, и сахар нанес вред его организму.

То, что активная семантика глагола затрудняет частичное согласование, отмечается в [Перетрухин 1979: 180]. Однако в [Санников 2008: 159–160] это утверждение оспаривается с ссылкой на примеры, где сказуемое имеет пассивный характер, но частичное согласование все равно невозможно. Ср. (24а) и (24б) (в названной работе обсуждаются аналогичные примеры с одиночным *и*):

- (24) а. *И Миша, и Петя хорошо виден отсюда (глагол имеет «неактивную семантику»);
б. *И Миша, и Петя ушел отсюда (глагол имеет «активную семантику»).

Отсутствие в (24а, б) ожидаемого контраста связано прежде всего с тем, что здесь действуют более сильные факторы, запрещающие частичное согласование: порядок SV и имена собственные в качестве конъюнктов. В примерах (22б, в) и (23а, б) между тем таких «затемняющих» контраст факторов нет, поэтому доступным наблюдению становится фактор агентивности.

⁵ Речь идет, конечно, о большей пациентивности глагола в (а) относительно глагола в (б), но не об абсолютной пациентивности глагола в (а).

Вместе с тем рассмотренный материал заставляет задуматься, почему все проанализированные выше примеры демонстрируют не резкий контраст (безусловно приемлемого предложения с безусловно неприемлемым), а тонкий и зыбкий. Этот вопрос стоит в одном ряду с другим: почему предполагаемое различие между порядками VS и SV, сформулированное в (76), эксплицируется лишь в отдельных, специально подобранных примерах, но не в любой паре примеров, отличающихся только линейным порядком?

Различие (76), как представляется, является не первичным семантическим различием между SV и VS, а вторичным эффектом работы грамматических механизмов. Обратим внимание, что во всех разобранных примерах частичное согласование сомнительно тогда, когда реализация (76) затруднена, т. е. затруднена реализация объединенной интерпретации при порядке SV и отдельной при порядке VS. Другими словами, (76) не проявляется непосредственно, а только «под нажимом» сопутствующих условий. Это как раз и свидетельствует о том, что (76) не относится к семантике как таковой, а возникает как побочный эффект работы других механизмов. Мы вернемся к обсуждению этого вопроса в Заключение.

Завершая раздел, привлечем к рассмотрению одиночный союз *и*. В силу своих семантических отличий от повторяющегося одиночный союз не позволяет провести между порядками VS и SV столь определенной семантической границы. Так, рассмотренные выше приемлемые примеры с *и...и*, контрастирующие с соответствующими неприемлемыми, при замене союза на одиночный *и* ухудшаются:

(25) **Ко мне сегодня уже заходил Коля и Петя.*

ср. с (18а): ?*Ко мне сегодня уже заходил и Коля, и Петя.*

(26) <*Кто только ни побывал триумфатором.*> ?*Стар и млад, штатский и военный побеждал в этом соревновании.*

ср. с (20а): <*Кто только ни побывал триумфатором.*> *И стар и млад, и штатский и военный побеждал в этом соревновании.*

(27) <*Триумфаторами этого соревнования побывали самые разные люди.*> *?*Спортсмен и пенсионер добирался до финиша.*

ср. с (21а): <*Триумфаторами этого соревнования побывали самые разные люди.*> *И спортсмен, и пенсионер добирался до финиша.*

Тот факт, что повторяющийся союз способствует частичному согласованию, прежде уже отмечался ([Гвоздев 1973; РГ 1980] и др.). Правда, он оспаривается в [Санников 2008: 156], но в таком случае непонятно, чем объяснить проиллюстрированный выше контраст.

Можно заключить, таким образом, что закономерность (76) по отношению к одиночному *и* не действует или, по крайней мере, действует в меньшей степени. В чем причина этого отличия *и* от *и...и*?

Причина в том, что одиночный союз не обладает указанными выше семантическими особенностями повторяющегося союза. Напомним, что в конструкции с *и...и* объединение конъюнктов при порядке SV облегчается «акцентом на участии в сочинении каждого конъюнкта» (свойство (11а)). Отдельность конъюнктов при порядке VS согласуется с другим свойством повторяющегося союза: обязательность дистрибутивной интерпретации (свойство (11б)). Взаимодействуя с этими особенностями повторяющегося союза, отсутствующими у одиночного, семантическая специфика частичного согласования проявляет себя нагляднее, чем в конструкции с одиночным союзом.

3.3. Основная закономерность: косвенные аргументы

Помимо примеров, в которых Гипотеза (7) проявляется непосредственно, имеются и некоторые косвенные аргументы.

Во-первых, сама по себе связь объединенной интерпретации конъюнктов с постпозицией глагола, а отдельной интерпретации – с препозицией глагола кажется понятной и естественной. Убедительное объяснение этой связи мы видим в приведенной выше формулировке А.М. Пешковского: «Объединение в мысли того, что еще последует, труднее для говорящего <...>. Объединить мыслью то, что уже сказано, – дело совершенно естественное» [Пешковский 1928/2001: 450]. Слова Пешковского относятся к тому факту, что препозиция глагола скорее, чем постпозиция, способствует частичному согласованию (иерархия 1' выше). Та же логика правомерна и в нашем случае.

Во-вторых, в пользу (7) свидетельствует иерархия 2', ставящая допустимость частичного согласования в зависимость от семантики конъюнктов. Повторим 2' для удобства изложения:

2'. имена собственные < одушевленные нарицательные < неодушевленные конкретные < неодушевленные абстрактные.

Напомним, что в [Кодзасов 1987] предлагается объяснять 2' тем, что абстрактным конъюнктам не соответствует объективная материальная связь, поэтому они должны интерпретироваться как «отдельные сущности», а не «парное множество».

Представляется, однако, что отсутствие у абстрактных конъюнктов «объективной материальной связи» способствует лишь тому, чтобы единственное число глагола предпочесть множественному, но само по себе единственное число не означает еще интерпретации конъюнктов как «отдельных сущностей». В самом деле, множественное число глагола предполагает, что конъюнкты интерпретируются как множество индивидуализированных объектов (= «парное множество» по Кодзасову). Понятно, что абстрактные сущности – как нечто, не имеющее отчетливых материальных границ и очертаний – с трудом могут интерпретироваться как множество индивидуализированных объектов, и этим они противостоят именам собственным, которые, наоборот, склонны обозначать индивидуализированные объекты. Но какой тогда интерпретации в терминах единичности / множественности способствует семантика абстрактных существительных? Представляется, что логических возможностей здесь две. Первая – та, что названа в [Там же]: абстрактные конъюнкты интерпретируются как отдельные сущности. Вторая возможность состоит в том, чтобы интерпретировать абстрактные конъюнкты как собирательный объект, полученный объединением нескольких сущностей. Здесь опять-таки абстрактные сущности противостоят именам собственным: первые, не имея отчетливых границ, с большей легкостью «объединяются» в собирательный объект⁶.

Согласно нашему основному предположению (7), при частичном согласовании в конструкции с *и...и* как раз и реализуются обе названные возможности: первая при порядке VS, вторая – при порядке SV.

Итак, иерархия 2', по-видимому, отражает степень того, в какой мере совокупность разных сущностей склонна интерпретироваться как множество индивидуализированных объектов. У имен собственных эта склонность максимальна (отсюда высокая вероятность множественного числа глагола), у абстрактных конъюнктов – минимальна (отсюда низкая вероятность множественного числа глагола). Поэтому абстрактные существительные выбирают одну из двух возможностей: или, при порядке SV, интерпре-

⁶ Из сказанного не следует, конечно, что одушевленные объекты, в отличие от абстрактных сущностей, не могут объединяться в собирательный объект (ср. собирательные существительные *молодежь*, *профессура* и т.п.). Речь идет лишь об относительной предрасположенности к такому объединению абстрактных имен по сравнению с конкретными.

тируются как собирательный объект, чему способствует абстрактная семантика; или, при порядке VS, интерпретируются как отдельные объекты.

То, что наша интерпретация иерархии 2' справедлива, подтверждается данными английского языка, где существительные в единственном числе, обозначающие группу или собрание объектов, могут употребляться со сказуемым во множественном числе при условии, что объекты одушевленные [Barker 1992; Pearson 2011]. Ср. допустимость множественного числа глагола (*are*) при существительных *team* ('команда') и *family* ('семья'), но не при существительном *forest* ('лес'):

(28) a. *The team is considering its decision.*

б. *The team are considering their decision.*

(29) a. *My family is tall except me.*

б. *My family are all tall.*

(30) a. *The forest is tall.*

б. **The forest are all tall.*

При этом единственное число подчеркивает единство целого, а множественное число акцентирует «индивидуальность» каждого из объектов. Подчеркнуть индивидуальность неодушевленных объектов (средствами данной английской конструкции), как видно, невозможно. Это согласуется с нашим утверждением, что неодушевленные и тем более абстрактные сущности в наименьшей степени склонны обозначать индивидуализированные члены множества.

В пользу такой трактовки говорит, кроме того, следующее практическое наблюдение. Согласно (76), при частичном согласовании в КПС объединенная интерпретация имеет место при порядке SV, и отдельная – при порядке VS. Поэтому можно ожидать, что частичное согласование окажется затруднено при порядке SV и конъюнктах – именах собственных, поскольку именно такие конъюнкты, по нашему предположению, в наименьшей степени позволяют объединенную интерпретацию. Наоборот, при порядке VS, индуцирующем отдельную интерпретацию, имена собственные должны быть разрешены.

Данные таблицы 1 показывают, что такое ожидание оправдывается. Независимо от значения параметров времени и рода в НКРЯ не нашлось примеров для порядка SV и конъюнктов, обозначающих имена людей. Напротив, таких примеров нашлось достаточно для порядка VS.

Итак, второе косвенное свидетельство в пользу Гипотезы (7) заключается в том, что иерархии 2' удастся предложить такую интерпретацию, которая с (7) согласована.

3.4. Формализация предлагаемой трактовки

Предложенную семантическую интерпретацию частичного и стандартного согласования, сформулированную в (7), можно формализовать, пользуясь моделью множественности, принятой в формальной семантике. Начиная с классической работы [Link 1983] онтология множественности представляется в виде следующей схемы:

(31) а. Атомы:

(i) простые атомы: a , b (единичные объекты)

(ii) группы: k (англ. *family*, *team*, *committee*) (единый объект, представляющий собой слияние объектов)

б. Множества: $a \oplus b$, $a \oplus k$, $b \oplus k$, $a \oplus b \oplus k$ (сумма индивидуализированных объектов)

Используя данную классификацию, можно сказать, что единственное число глагола в конструкции с *и...и* сигнализирует об интерпретации сочиненной группы как атома (a),

а множественное число – об интерпретации сочиненной группы как множества (b). При единственном числе глагола порядок VS означает отнесенность конъюнктов к простым атомам (i), а порядок SV – отнесенность к группам (ii).

Данная аналогия, впрочем, в значительной мере условна. Основным препятствием для проведения полной аналогии служат «группы». Дело в том, что «группа» в настоящем смысле слова (ср. англ. *family, team, committee*) представляет собой цельный объект. Эта цельность и есть характеристическая черта группы, отличающая ее от множества. Между тем, как выше неоднократно говорилось, в конструкции с повторяющимся союзом каждый конъюнкт соотнесен с предикатом по отдельности. Поэтому настоящего слияния конъюнктов в группу в КПС не происходит.

Таким образом, привлеченная аналогия не означает, что конъюнкты в конструкции с *и...и* обладают, в зависимости от числа глагола и линейного порядка, типичными свойствами простых атомов, групп и множеств (о таких свойствах см., например, [Pearson 2011]). Эта аналогия всего лишь призвана продемонстрировать, что соотношение трех выделенных случаев – (1) множественное число глагола, (2) единственное число + порядок VS, (3) единственное число + порядок SV – похоже на то, как соотносятся три типа множественности, традиционно выделяемые в рамках формальной модели.

Завершая анализ союза *и...и*, подведем итог тому, как соотносятся разные типы множественности с дистрибутивной интерпретацией конъюнктов, к которой обязывает повторяющийся союз. По-видимому, обсуждаемые три случая отражают три разновидности дистрибутивного прочтения. Прототипическая дистрибутивность реализуется при интерпретации конъюнктов как простых атомов – т.е. при частичном согласовании и порядке VS. Два других случая так или иначе способствуют объединению конъюнктов (в «группу» или в «множество») и поэтому характеризуются менее выраженной, «смазанной» дистрибутивностью.

4. СОЮЗ НИ...НИ

Данный союз традиционно относят к классу соединительных и считают отрицательным аналогом *и...и* [РГ 1980, II: 618; Санников 2008: 300]. Поэтому априори можно было бы ожидать, что в отношении частичного согласования *ни...ни* ведет себя так же, как *и...и*. Однако при ближайшем рассмотрении такое ожидание не оправдывается. Главное отличие *ни...ни* от *и...и* заключается в том, что *ни...ни* свободно допускает единственное число глагола при порядке SV и референтных одушевленных конъюнктах, в том числе именах собственных. Продемонстрируем этот факт с помощью корпусного анализа.

Результат анализа *ни...ни* представлен в таблице 2 (ср. с таблицей 1 для союза *и...и*). Мы ограничились рассмотрением лишь части тех параметров, которые учитывались при анализе *и...и*. Во-первых, для *ни...ни* игнорировались параметры рода конъюнктов и времени глагола. Во-вторых, мы рассмотрели лишь «крайние» семантические типы конъюнктов – неодушевленные абстрактные конъюнкты, с одной стороны, и одушевленные (в том числе референтные), с другой. Вместе с тем в одном отношении *ни...ни* исследован подробнее, чем *и...и*: анализ частичного согласования мы дополнили анализом стандартного при аналогичных параметрах. Это связано с тем, что для *ни...ни*, в отличие от *и...и*, не выявлено случаев, когда частичное согласование было бы вовсе неприемлемо. В этих условиях сопоставление разных стратегий согласования могло оказаться полезным при оценке частотности конструкции (для *ни...ни* этот расчет не оправдался; однако он оправдался при анализе *или...или*: частичное согласование в одном случае оказалось более частотным, чем стандартное (см. раздел 5)).

По аналогии с *и...и* вместо точной статистики использовались ярлыки «много примеров» (пять и более примеров) и «единичные примеры» (четыре и менее примеров). Впрочем, последний ярлык, как видно из таблицы 2, не понадобился.

Указанное выше отличие *ни...ни* от *и...и* не только следует из проведенного корпусного анализа, но и отмечается в [Граудина и др. 2008: 39]. Союз *ни...ни* выделен в дан-

НИ...НИ

СТК ЛПК	Неодуш. абстр.		Одуш.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
VS	МП: <i>Без этого не обходится ни кораблестроение, ни конструирование автомобилей, ни энергетика</i> [С. Кузьмина, П. Карклэ. Эолова арфа, самолеты и мосты (2009) // «Наука и жизнь»]	МП: <i>Удовлетворительного ответа на этот вопрос до сих пор не дали ни наука, ни практика</i> [Н. Моисеев, В. Чуенков. Классификация лесов по целевому назначению и режиму их использования (2003) // «Лесное хозяйство»].	МП: <i>Что с нами делать – не знал ни Лукашин, ни Костенецкий</i> [А. Азольский. Диверсант (2002)].	МП: <i>Их не заметили ни тесть, ни зять</i> [В. Баллан. Шолохов и другие (2003) // «Лебедь» (Бостон)].
SV	МП: <i>Их ни дождь, ни снег не держит</i> [Б. Шергин. Золотая сюрприза (1930–1960)].	МП: <i>Ни дождь, ни грязь не были помехой</i> [Б. Екимов. Фетисыч (1996)].	МП: <i>Ни отец, ни мать не помнила, которого числа я родился</i> [Ф. Решетников. Никола Знаменский (1866)].	МП: <i>Его соседа и одноклассника Витьку Кошелкина ни мать, ни отец не порют</i> [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)].

ной работе как разрешающий (в отличие от *и* и *и...и*) единственное число глагола при постпозитивном сказуемом. Ср. приведенный там пример именно с одушевленными референтными конъюнктами:

(32) *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал.*

Если *ни...ни* отличается от *и...и* только полярностью, чем объяснить выявленное различие в частичном согласовании?

В действительности, семантическое различие между *и...и* и *ни...ни* не исчерпывается полярностью. Как и всякий повторяющийся сочинительный союз, *ни...ни* соотносит предикат по отдельности с каждым из конъюнктов:

(33) *Ни Маша, ни Петя не уехали* ≈ '*Ни Маша не уехала, ни Петя не уехал*' ≠ '*не уехали Маша+Петя*'.

Напомним, что *и...и* обладает тем же свойством, однако в конструкции с *и...и*, в отличие от *ни...ни*, соотношение предиката с конъюнктами по отдельности синонимично соотношению с совокупностью конъюнктов (ср. с (33)):

(34) '*И Маша и Петя уехали*' ≈ '*И Маша уехала, и Петя уехал*' ≈ '*Маша + Петя уехали*'.

Данное отличие *ни...ни* от *и...и* обусловлено различием в полярности и может быть сформулировано языком математической логики. Конъюнкция отрицаний (согласно

«закону де Моргана») не тождественна отрицанию конъюнкции, потому что последнее тождественно дизъюнкции отрицаний:

$$(35) \neg A \ \& \ \neg B \neq \neg(A \ \& \ B) = \neg A \ \vee \ \neg B.$$

В конструкции с *и...и* в отсутствие отрицания аналогичного преобразования конъюнкции в дизъюнкцию не происходит. Не случайно в [Граудина и др. 2008: 39] союз *ни...ни*, вопреки традиции и в отличие от *и...и*, назван разделительным.

Как отмеченная особенность *ни...ни* сказывается на частичном согласовании? А именно, почему *ни...ни*, в отличие от *и...и*, разрешает единственное число глагола при линейном порядке SV и конъюнктах – именах собственных?

Напомним, чем выше мы объяснили затрудненность употребления *и...и* при данных параметрах. Порядок SV, согласно части (б.2) нашей основной Гипотезы (7), индуцирует объединенную интерпретацию конъюнктов. Однако имена людей в минимальной степени, по сравнению с другими семантическими типами существительных, склонны к объединению. Отсюда затрудненное употребление *и...и*.

Союз *ни...ни*, как мы видели, устроен иначе: в его семантике присутствует компонент, который заведомо гарантирует определенную степень раздельности в интерпретации конъюнктов. Эта раздельность предотвращает объединение конъюнктов при порядке SV. Поэтому не возникает и запрета на частичное согласование при порядке SV и конъюнктах – именах собственных.

Из сказанного следует, что семантическое различие (7б) между порядками SV и VS, выявленное в конструкции с *и...и*, в конструкции с *ни...ни* отсутствует: объединенной интерпретации при порядке SV препятствует разделительный компонент в семантике *ни...ни*.

Итак, логика нашего рассуждения такова: *и...и*, но не *ни...ни*, обладает свойством (7б.2). *Ни...ни* не обладает данным свойством в силу разделительного компонента в своей семантике. Благодаря тому, что *ни...ни* не обладает свойством (7б.2), данный союз допускает частичное согласование при порядке SV и конъюнктах – именах людей.

Обратим внимание, что сама по себе лексическая семантика *и...и* и *ни...ни* не позволяет объяснить выявленного различия между союзами в том, что касается частичного согласования. Оба союза являются прототипическими соединительными союзами в том смысле, что в утвердительном ключе характеризуют отнесенность обеих ситуаций к реальному миру, только *и...и* – со знаком «плюс», а *ни...ни* – со знаком «минус». Само по себе это не объясняет, почему *ни...ни*, в отличие от *и...и*, легко допускает частичное согласование при конъюнктах – именах собственных. Изложенное выше рассуждение, напротив, увязывает все факты воедино.

Если для *ни...ни* не действует семантическая закономерность (7б.2), какие типы множественности различает *ни...ни* в зависимости от типа согласования и линейного порядка?

По-видимому, стандартное согласование, т.е. множественное число сказуемого, свидетельствует об интерпретации сочиненной группы как множества индивидуализированных объектов («множество» в терминологии, привлеченной в разделе 3.4). Частичное согласование, т.е. единственное число сказуемого, независимо от линейного порядка свидетельствует об интерпретации конъюнктов как отдельных объектов («простых атомов»). Реализация третьего типа множественности – «группы» – при союзе *ни...ни* невозможна ввиду разделительного компонента, отличающего данный союз от *и...и*. Ср.:

(36) а. *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжали* ('члены множества {машинист, помощник} не выезжали').

б. *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал* ('машинист не выезжал, помощник не выезжал').

Семантическое различие между (36а) и (36б) настолько тонкое, что требует, кроме апелляции к языковой интуиции, независимого подтверждения. Такого подтверждения для союза *ни...ни* нам найти не удалось, однако оно нашлось для разделительного союза *или...или*, с точки зрения семантики согласования устроенного похожим образом. Этому посвящен следующий раздел.

5. СОЮЗ *ИЛИ...ИЛИ*

Данный союз традиционно считается разделительным, поскольку предполагает выбор одной из двух альтернатив. Такая семантика предопределяет единственное число сказуемого при сочиненном подлежащем. Поэтому частичное согласование в конструкции с *или...или*, в отличие от *и...и* и *ни...ни*, является скорее нормой, чем отклонением. Более того, исходя из семантических соображений можно было бы ожидать, что при *или...или* невозможно множественное число сказуемого. Тем не менее *или...или* допускает обе граммы числа глагола (ср. примеры ниже).

Как представляется, возможность выбора граммы числа как раз и служит для дифференциации разных типов множественности: «простые атомы» при единственном числе глагола и индивидуализированные члены «множества» – при множественном числе. Поскольку в *или...или* разделительный семантический компонент еще более выражен, чем в *ни...ни*, третий тип множественности «группы», при котором конъюнкты интерпретировались бы объединенно, в случае с *или...или* не реализуется.

В поддержку нашего предположения снова обратимся к корпусу. Его результаты представлены в таблице 3. Как и в случае с *ни...ни*, мы, во-первых, ограничились рассмотрением двух «крайних» семантических типов конъюнктов (неодушевленных абстрактных и одушевленных существительных) и, во-вторых, не брали в расчет время глагола и род конъюнктов. Кроме того, поскольку *или...или* – заметно менее частотный союз, чем *и...и* и *ни...ни*, статистика приведена в точных цифрах: введенное выше разграничение между ярлыками «много примеров» и «единичные примеры» здесь не имело смысла.

Оговорки требует принятое противопоставление абстрактных и одушевленных конъюнктов. Строго говоря, «крайними» по отношению к неодушевленным абстрактным существительным являются референтные одушевленные ИГ. Напомним, что именно такие ИГ затрудняют частичное согласование в конструкции с союзом *и...и*, тогда как прочие – нереперентные – одушевленные ИГ частичное согласование нередко допускают (см. раздел 2). При анализе союза *или...или* мы тем не менее рассматривали одушевленные существительные как цельную группу, однако обращали внимание на наличие хотя бы одного примера с референтными конъюнктами. Такой пример нашелся при порядке VS (см. таблицу 3), но не при порядке SV. Однако ввиду общей малочисленности примеров при порядке SV неправильным, по-видимому, было бы заключить, что параметр (не)одушевленности релевантен для союза *или...или* в том же смысле и в той же степени, что и для *и...и*. Так, обнаруженный в корпусе пример с *или...или* для случая одушевленных (и референтных) конъюнктов, порядка VS и единственного числа глагола (см. таблицу 3), как кажется, остается приемлемым и при перемене порядка на SV:

(37) *Только что сомкну глаза, передо мною или капитан, или Варочка является.*

Ср. также:

(38) *Со 100 % уверенностью можно сказать, что котенок будет носителем, только в том случае, если или отец, или мать является настоящим шоколадом, а другой будет даже не носителем гена (Google).*

По-видимому, при порядке SV и референтных одушевленных конъюнктах стандартное согласование в конструкции с *или...или* предпочтительнее частичного, но (в

ИЛИ...ИЛИ

СТК ЛПК	Неодуш. абстр.		Одуш.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
VS	17 примеров <i>Была или панихида, или кривлянье и гримасы</i> [П. Гнедич. Книга жизни (1918)].		13 примеров <i>Только что сомкну глаза, передо мною является или капитан, или Варочка</i> [Т. Шевченко. Капитанша (1855)].	1 пример <i>Во время поездок Эмбо за границу его заменяли или Орлов, или Розанов</i> [В. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)].
SV	1 пример <i>Или правда, или отчаяние руководствовало пером на обертке такого письма</i> [И. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822)].		2 примера <i>...Или жена или девица или отрок дает на руки смотреть волхву</i> [Ф. Буслаев. Эпическая поэзия (1851)].	2 примера <i>Или дочь, или жена приходили на помощь</i> [Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)].

отличие от *и...и*!) не является единственно возможным. (О сопоставлении степени релевантности разных параметров для разных союзов см. также раздел 6.)

Помимо данных о параметре одушевленности, значимыми представляются четыре факта, представленные в таблице 3.

Во-первых, само наличие в НКРЯ примеров для обеих граммем числа убеждает, что *или...или* в самом деле допускает и единственное, и множественное число сказуемого.

Во-вторых, значимо заметное преобладание примеров с единственным числом глагола при порядке VS: для союза *или...или*, таким образом, нормой является единственное число сказуемого, как и ожидалось ввиду его разделительной семантики⁷.

В-третьих, обращает на себя внимание различие между строками «VS» и «SV»: в первом случае примеров с единственным числом сказуемого заметно больше. Казалось бы, это различие демонстрирует, что фактор линейного порядка (иерархия 1', раздел 1) для союза *или...или* релевантен. Такой вывод, однако, представляется слишком сильным. Данные таблицы 3 означают только, что нежелательный для частичного согласования порядок SV в конструкции с *или...или* сам по себе менее частотен, чем порядок VS; однако порядок SV не ведет, при прочих равных условиях, к неприемлемости

⁷ Множественное число сказуемого по семантическим причинам недопустимо в тех случаях, когда контекстом навязывается интерпретация союза как строго дизъюнктивного, ср.: *Или вторник, или четверг был днем <были днями> его рождения vs. Хорошо бы, чтобы или вторник, или четверг был свободен <были свободными> от тренировок.*

частичного согласования с данным союзом. По крайней мере, мы не знаем примера, когда в конструкции с *или...или* единственное число сказуемого было бы недопустимо при порядке SV, но допустимо при порядке VS. Для сравнения, для союза *и...и* такие примеры находятся:

- (39) а. *Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке* [В. Панова. Спутники (1945)].
б. **И сестра Фаина, и Низвецкий записался.*

Понимая релевантность параметра порядка в том смысле, в каком этот параметр релевантен для союза *и...и*, по-видимому, неверным будет говорить о релевантности данного параметра для союза *или...или* (ср. выше аналогичный вывод для параметра одушевленности).

Наконец, четвертый существенный факт, представленный в таблице 3, – отсутствие примеров для случая «неод. абстр., мн. ч.» (независимо от линейного порядка!). Этот последний факт кажется значимым потому, что он объясним исходя из предложенной семантической трактовки согласования в конструкции с *или...или*.

Действительно, множественное число глагола, по нашему предположению, сигнализирует об интерпретации конъюнктов как множества индивидуализированных объектов. Однако неодушевленные абстрактные существительные с наибольшим трудом, по сравнению с другими семантическими типами существительного, интерпретируются как множество индивидуализированных объектов (см. 3.3).

Почему аналогичного эффекта не возникает в конструкции с *ни...ни* (ср. таблицу 2, где для параметров «неод., абстр., мн. ч.» примеры находятся)? Напомним, что с точки зрения семантики множественного числа глагола мы охарактеризовали оба союза единообразно: множественное число индуцирует интерпретацию конъюнктов как «множества». Но дело в том, что в *или...или* заметно более, чем в *ни...ни*, выражен разделительный компонент (не случайно *ни...ни* традиционно даже не относят к числу разделительных союзов). Этот компонент в конструкции с *или...или* дополнительно индивидуализирует, противопоставляет конъюнкты при множественном числе глагола. Неодушевленные абстрактные существительные, очевидно, не допускают такой акцентированной «индивидуализации».

Подтвердим наше рассуждение дополнительными примерами:

- (40) а. *??В его глазах были или радость, или удивление.*
б. *??За окном хлестали или снег, или дождь.*
в. *??На всех лицах изображались или страх, или недоумение.*
г. *??Из комнат слышались или храп, или болтовня.*

В (40а–г) представлен порядок VS и, кроме того, те параметры, примеры для которых не нашлись в корпусе: «неод. абстр., множ. ч.» Данные примеры сомнительны по двум причинам. Во-первых, здесь семантически уместнее не союз *или...или*, а союз *то ли...то ли*, потому что контекстом подсказан смысл, характерный именно для *то ли...то ли*: «незнание того, какая из альтернатив имеет место» [НОСС 2003: 439]. Чтобы убедиться, что это не единственная причина сомнительности примеров (40а–г), заменим *или...или* на *то ли...то ли*. В результате такой замены примеры улучшаются, но остаются шероховатыми:

- (41) а. *?В его глазах были то ли радость, то ли удивление.*
б. *?За окном хлестали то ли снег, то ли дождь.*
в. *?На всех лицах изображались то ли страх, то ли недоумение.*
г. *?Из комнат слышались то ли храп, то ли болтовня.*

Вторая причина сомнительности (40а–г) (а также (41а–г)) – множественное число глагола: замена множественного числа на единственное в (41а–г) устраняет всякую шероховатость:

- (42) а. В его глазах была *то ли радость, то ли удивление*.
б. За окном хлестал *то ли снег, то ли дождь*.
в. На всех лицах изображался *то ли страх, то ли недоумение*.
г. Из комнат слышался *то ли храп, то ли болтовня*.

Рассмотренные контрастирующие примеры демонстрируют (в дополнение к корпусу), что *или...или* с трудом допускает множественное число глагола при абстрактных конъюнктах. Этот факт, как показано, объясним в рамках предлагаемой трактовки.

6. СОЮЗ *ТО...ТО*

Данный союз выражает чередование ситуаций во времени. Тем самым в *то...то* представлена еще одна разновидность взаимодействия соединительной семантики с разделительной. Если в *и...и* разделительность вообще отсутствует, в *ни...ни* присутствует, но преобладает соединительность, а в *или...или*, наоборот, отсутствует соединительность, то в *то...то* присутствует и то и другое примерно в равном соотношении. С одной стороны, в конструкции с *то...то* все ситуации, выражаемые конъюнктами, соответствуют действительности (соединительность), с другой – конъюнкты разнесены во времени, и в тот момент, когда имеет место одна ситуация, не имеет места другая (разделительность)⁸.

Вместе с тем по «качеству» соединительной семантики *то...то* из всех союзов ближе всего к *и...и*: оба вводят утверждения о соответствии действительности каждой из ситуаций. Напротив, *ни...ни* обозначает, что ни одна из ситуаций не имеет места, а *или...или* подразумевает выбор одной из альтернатив и, значит, соответствие действительности только одной ситуации. Как мы выше убедились, различия, обнаруженные между союзами *и...и*, *ни...ни* и *или...или* в том, что касается частичного согласования, в значительной степени сводимы к соотношению соединительных и разделительных компонентов в их семантике. Поэтому можно ожидать, что в отношении частичного согласования *то...то* имеет сходство с *и...и*. Такое ожидание, как показывает анализ, подтверждается. Поэтому дальнейшее изложение построено как сопоставление *то...то* с *и...и*.

Начнем с различий между союзами. Основное различие состоит в том, что в конструкции с *то...то* при единственном числе глагола линейные порядки VS и SV не противопоставлены семантически так, как в конструкции с *и...и*: оба порядка связаны с отдельной интерпретацией конъюнктов. Объединенная интерпретация, имеющаяся, согласно Гипотезе (76), в конструкции с *и...и*, в случае с *то...то* не реализуется из-за разделительного компонента, входящего в семантику союза. Именно поэтому *то...то* допускает частичное согласование при порядке SV и конъюнктах, обозначающих имена людей (ср. таблицу 1: для *и...и* таких примеров в корпусе не нашлось):

- (43) *Надя кивала и вздыхала от восторга – и то Вадя, то Король вручал ей банку вне очереди* [А. Иличевский. Матисс (2007)].

- (44) *То Вася, то Ваня приходил*.

vs.

- (45) **И Вадя, и Король вручал ей банку вне очереди*.

- (46) **И Вася, и Ваня приходил*.

⁸ «Соединительно-разделительная» природа *то...то* отмечается в [Санников 2008: 183].

ТО...ТО

ЛПК \ СТК	Неодуш. абстр.		Одуш.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
VS	18 примеров <i>По лицу спящей Леночки скользит то свет, то тень</i> [Т. Шохина. Время и место рождения (1987) // «Крестьянка»].	5 примеров <i>Из бронированных утроб слышались то храп, то болтовня с матерком</i> [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].	9 примеров <i>Почти всем снился то император, то Варенька Нелидова</i> [Ю. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)].	13 примеров <i>Заходили то Мещерский, то Бугорков</i> [Э. Казакевич. Звезда (1946)].
SV	2 примера <i>То дождь, то снег хлестал в окно</i> [Р. Райт-Ковалева. Роберт Бернс (1959)].	1 пример <i>То страх, то радость изображаются на всех лицах</i> [И. Лажечников. Как я знал М.Л. Магницкого (1865)].	1 пример <i>То Вадя, то Король вручал ей банку вне очереди</i> [А. Иличевский. Матисс (2007)].	5 примеров <i>То Зина, то Наташа сопровождали Корневу</i> [Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)].

Напомним, что запрет на конъюнкты – имена собственные в конструкции с *и...и* выше мы объяснили тем, что имена собственные в наименьшей степени, по сравнению с существительными других семантических типов, способны к объединенной интерпретации, возникающей при порядке SV. В отсутствие такой интерпретации в конструкции с *то...то* отсутствует и запрет на конъюнкты – имена собственные.

Таким образом, *то...то* (так же, как *ни...ни* и *или...или*) из-за разделительного компонента в семантике различает только два типа множественности: конъюнкты как «простые атомы» при единственном числе глагола и конъюнкты как «множество» индивидуализированных объектов при множественном числе глагола. Как подтверждает корпусный анализ, результат которого представлен в таблице 4, оба варианта реализуемы при обоих порядках – VS и SV, и при обоих крайних семантических типах конъюнктов – абстрактных и одушевленных (в том числе референтных) существительных.

Обратимся теперь к сходствам *то...то* с *и...и*.

Во-первых, для частичного согласования в конструкции с *то...то*, как и для *и...и*, релевантной является оппозиция одушевленных и неодушевленных конъюнктов. Рассмотрим примеры:

Порядок SV:

- (47) а. **То Маша, то Ваня приходил.*
б. *То Вася, то Ваня приходил.*

- (48) а. *То усмешка, то испуг пробежал по лицу.*
б. *То раздумье, то радость вспыхивала в глазах.*

Порядок VS:

- (49) а. *Приходил то Ваня, то Маша.
б. Приходил то Ваня, то Вася.

- (50) а. Она что-то бормотала, по лицу пробежала то усмешка, то испуг, то жестокость [А. Иличевский. Матисс (2007)].
б. В глазах вспыхивала то радость, то раздумье и досада [В. Ставский (Кирпичников В.П.). Волк (1929–1930)].

Как видим, при конъюнктах – именах собственных независимо от порядка единственное число глагола затруднено в случае, если использован глагол в прошедшем времени и конъюнкты различаются родом (ср. (47а) и (49а), где конъюнкты разного рода, с (47б) и (49б), где род одинаковый). При абстрактных конъюнктах несовпадение рода допустимо (примеры (48а, б) и (50а, б)). Отсюда следует, что в конструкции с *то...то* параметр одушевленности / неодушевленности играет роль при выборе между частичным и стандартным согласованием.

Данная особенность *то...то* объясняется в целом так же, как и аналогичное свойство *и...и* (см. раздел 3.3).

Из примеров (47)–(50) видно, что для *то...то* релевантным является также фактор (не)совпадения рода у конъюнктов. Это второе общее свойство *то...то* и *и...и*. Данное свойство имеет, как кажется, двойственную природу.

С одной стороны, несовпадение в роде подчеркивает противопоставленность, индивидуализированность конъюнктов, способствуя этим появлению множественного числа глагола. Поскольку и *то...то*, и *и...и* указывают на реальность обоих конъюнктов и этим семантически предрасполагают к множественному числу глагола, для них такое подчеркивание может оказаться решающим и привести к неграмматичности.

С другой стороны, однако, здесь действует более общая, сугубо грамматическая закономерность, не связанная с частной семантикой *то...то* и *и...и*: это общая грамматическая тенденция к тому, чтобы глагол мог потенциально согласовываться в роде с каждым конъюнктом. Такая тенденция действует для всех союзов, в том числе для *или...или* и *ни...ни*. Именно поэтому *или...или* и *ни...ни*, как ниже будет показано, тоже чувствительны к совпадению рода, но чувствительны в меньшей степени, чем *то...то* и *и...и*. Мы объясняем это тем, что в случае с *или...или* и *ни...ни* совпадения рода требует только указанная общая закономерность, а в случае с *то...то* и *и...и* – еще и их семантическая специфика.

Третье сходство союзов *то...то* и *и...и* состоит в том, что частичное согласование возможно скорее при порядке VS, чем SV. Об этом свидетельствуют данные таблицы 4. Ср., кроме того, следующие примеры, из которых видно, что при порядке VS (примеры (а)), но не при порядке SV (примеры (б)) удастся семантическими средствами ослабить запрет на единственное число глагола при конъюнктах – именах собственных, имеющих разные граммемы рода:

- (51) а. Почти всем снился то император, то Варенька Нелидова [Ю. Тынянов. Малолетный Витушишников (1933)].
б. *То Варенька Нелидова, то император снился почти всем.
- (52) а. Каждому грезился то Наполеон, то Маша Иванова.
б. *То Маша Иванова, то Наполеон грезился почти всем.
- (53) а. Вдали виднелся то Иван Петрович, то моя сестра Маша.
б. *То моя сестра Маша, то Иван Петрович виднелся вдали.

В примерах (51а, 52а, 53а) частичное согласование допустимо за счет семантики глагола, имеющей выраженно пассивный характер (ср. с (49а), где глагол агенти-

вен). Напомним, что пациентивность глагола облегчает частичное согласование и в конструкции с *и...и* (см. 3.2).

Обратим внимание, что в примерах (51a), (52a) и (53a) конъюнкты имеют разный семантико-коммуникативный вес (*император – Варенька, Наполеон – Маша Иванова*). Это различие само по себе облегчает частичное согласование: оно способствует интерпретации конъюнктов как отдельных объектов. Убедиться в этом позволяет замена конъюнктов в (51a), (52a) и (53a) на такие, которые имеют подчеркнуто равный семантико-коммуникативный вес; приемлемость частичного согласования в этом случае снижается:

(54) [?]*Почти всем снился то Иван, то Марья.*

(55) [?]*Вдали виднелся то Ваня, то Маша.*

(56) [?]*Каждому грезился то Иван Петрович, то Марья Ивановна.*

Здесь конъюнкты равноценны в семантико-коммуникативном отношении. Это препятствует их интерпретации как отдельных (простых) атомов. Отсюда затрудненность частичного согласования, несмотря на пациентивный характер глагола.

Напомним, что различие в семантико-коммуникативном весе конъюнктов способствует частичному согласованию и в конструкции с *и...и*. Ср.:

(57) = (39) *Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке* [В. Панова. Спутники (1945)].

(58) [?]*Записался и Иван, и Мария.*

Тем самым это еще одно свойство, общее для *то...то* и *и...и*.

Отметим, что указанными свойствами, общими для *и...и* и *то...то*, союзы *ни...ни* и *или...или* не обладают. Так, рассмотрим предложения:

(59) *Ни отец, ни мать не помнила, которого числа я родился* [Ф. Решетников. Никола Знаменский (1866)].

(60) *Или мать, или отец покрывал все убытки.*

В обоих примерах имеем одушевленные референтные конъюнкты (не совпадающие в роде и равноценные в лексико-семантическом отношении), прошедшее время глагола и порядок SV. Иначе говоря, все потенциально релевантные параметры принимают здесь самые неблагоприятные для частичного согласования значения. Тем не менее частичное согласование допустимо, т.е. релевантность указанных параметров для *ни...ни* и *или...или* не подтверждается⁹. Следовательно, данные параметры проводят границу между *и...и* и *то...то*, с одной стороны, и *ни...ни* и *или...или*, с другой (оговорки, однако, требует параметр рода, об этом см. ниже). Этот факт объясняется тем, что *ни...ни* и *или...или* имеют отрицательно-разделительный компонент в семантике: указание

⁹ Оговоримся, что релевантность мы понимаем здесь в «сильном» смысле: релевантным мы называем фактор, который может привести к неприемлемости конструкции. Релевантность в «слабом» смысле влияет на частотность конструкции, но не исключает полностью ее употребления. Для допустимости частичного согласования при союзе *или...или* факторы (не)одушевленности и линейного порядка не обладают сильной, но обладают слабой релевантностью (см. раздел 5). Напомним, кроме того, что в конструкции с *или...или* затруднено множественное число глагола при конъюнктах – абстрактных существительных, т.е. параметр одушевленности является сильно релевантным для допустимости стандартного согласования (там же).

на реальность одной, но не второй ситуации в *или...или*; указание на то, что ни одна из ситуаций не имеет места и раздельная интерпретация этих ситуаций в *ни...ни*. Напомним, что в *то...то* тоже имеется раздельность – ситуации разнесены во времени, но отсутствует отрицательность. Поэтому *ни...ни* и *или...или*, в отличие от *то...то* и *и...и*, предрасполагают к единственному числу глагола семантически, и соответственно, накладывают на частичное согласование меньше ограничений.

Особняком стоит параметр рода. Как показывает более пристальное рассмотрение, фактор (не)совпадения рода для *ни...ни* и *или...или* отчасти все-таки релевантен. Так, пример (60) ухудшается, если поменять конъюнкты местами, в результате чего глагол получает грамму женского, а не мужского рода:

(60) а. ?Или отец, или мать покрывала все убытки.

Но, как уже упоминалось выше, здесь дело, по-видимому, не в семантике союза (как в случае с *и...и* и *то...то*), а в сугубо грамматической тенденции к тому, чтобы даже и при частичном согласовании глагол мог потенциально согласовываться с обоими конъюнктами, для чего они должны быть одного рода. Несмотря на эту общую тенденцию, союз *или...или*, судя по примеру (60), допускает несовпадение в роде при одушевленных конъюнктах, но все-таки предпочитает в этом случае согласование по «дефолтному» мужскому роду, как в (60), а не по более «маркированному» женскому, как в (60а). Союзы *и...и* и *то...то* находятся от фактора (не)совпадения рода в более сильной зависимости.

Итак, разнообразные факты, связанные с выбором между частичным и стандартным согласованием в конструкции с *то...то*, в частности сходства и различия *то...то* и *и...и*, удастся объяснить исходя из предпосылки, что единственное число глагола служит отдельной интерпретации конъюнктов (как «простых атомов»), а множественное число глагола – интерпретации их как «множества».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы стремились предложить системный анализ оппозиции частичного vs. стандартного согласования в числе при повторяющихся союзах.

Наш основной вывод состоит в том, что частичное согласование противостоит стандартному в терминах семантики множественности. Стандартное согласование, независимо от конкретного союза, предопределяет интерпретацию сочиненного подлежащего как множества индивидуализированных объектов. Семантика частичного согласования варьирует в зависимости от союза. Центральный соединительный союз *и...и* при частичном согласовании в зависимости от линейного порядка различает два типа множественности: объединенная интерпретация конъюнктов при порядке SV и отдельная – при порядке VS. Другие рассмотренные союзы (*ни...ни*, *или...или*, *то...то*) при частичном согласовании индуцируют отдельную интерпретацию конъюнктов независимо от линейного порядка, потому что объединенная интерпретация несовместима с раздельным компонентом в их семантике.

Допустимость частичного согласования, как обнаружилось, для четырех рассмотренных союзов регулируется разными факторами. Общее распределение таких релевантных факторов резюмировано ниже в таблице 5.

Символ «+» означает, что соответствующий фактор для соответствующего союза обладает «сильной» релевантностью, т. е. при прочих равных условиях может привести к неприемлемости конструкции. Символ «+/-» означает, что фактор обладает «слабой» релевантностью – не ведет к неграмматичности, но снижает частотность конструкции. Наконец, символ «-» означает, что фактор нерелевантен, или, точнее, его релевантность заметно менее очевидна, чем в случаях, отмеченных знаками «+» и «+/-». Последняя оговорка нужна постольку, поскольку не исключено, что при общих неблагоприятных

Факторы, релевантные при выборе между частичным и стандартным согласованием в КПС

	И...И	ТО... ТО	ИЛИ...ИЛИ	НИ...НИ
Совпадение рода в прош. вр.	+	+	+/-	+/-
Абстр. vs. неодуш. vs. одуш. vs. имена людей	+	+	+	-
SV/VS	+	+	+/-	-
Агентивный vs. пассивный глагол	+	+	-	-
Лексико-сем. вес конъюнктов	+	+	-	-

для частичного согласования условиях (например, конъюнктах – именах людей и порядке SV) способствовать частичному согласованию может фактор, отмеченный нами как нерелевантный (скажем, пациентивная семантика глагола в конструкции с союзом *или...или*). Границы подобного тонкого взаимодействия разных факторов в работе до конца не прояснены.

В целом точно охарактеризовать удельный вес каждого фактора для каждого из союзов крайне затруднительно, потому что в конкретном случае факторы действуют согласованно, и непонятно, как отделить действие одного от действия другого. Таблица 5, таким образом, представляет лишь примерную картину.

Отметим также, что один и тот же фактор для разных союзов может быть релевантным в разном смысле. Этого обстоятельства, выявленного в ходе нашего анализа, таблица 5 не отражает. Так, в таблице не показано различие между факторами, релевантными для допустимости частичного согласования, и факторами, релевантными для допустимости стандартного. То, что это не одно и то же, демонстрирует союз *или...или*: как мы убедились, он допускает частичное согласование независимо от фактора одушевленности/абстрактности конъюнктов, но допустимость стандартного согласования от этого фактора зависит (см. разделы 5 и 6).

Оговорим, наконец, что в таблице 5 указана не вся совокупность факторов, значимых при выборе модели согласования: вне рассмотрения остались факторы, релевантные для отдельных союзов и связанные с их индивидуальными особенностями. Так, выбор между стандартным и частичным согласованием при союзе *или...или* может зависеть от того, в строгом ли смысле понимается выражаемая союзом дизъюнкция, а это, в свою очередь, определяется контекстом. Данный и аналогичные частные факторы остались не затронутыми, поскольку нас интересовали прежде всего общие свойства частичного согласования как такового, проявляющиеся при всех или большинстве союзов.

Причину релевантности ряда факторов, резюмированных таблицей 5 (семантика конъюнктов, семантика глагола, лексико-семантический «вес» конъюнктов), удалось объяснить исходя из совместного действия двух моментов: 1) различие между частичным и стандартным согласованием в терминах семантики множественности и 2) различный удельный вес соединительного и отрицательно-разделительного компонентов в семантике союзов.

Результаты, полученные применительно к повторяющемуся союзу, не позволяют, однако, продвинуться в понимании частичного согласования при одиночном союзе. Семантические особенности повторяющегося союза заостряют, высвечивают, делают

более явной семантику частичного согласования. В конструкции с одиночным союзом такие семантические контрасты затемнены и поэтому труднее поддаются непосредственному наблюдению (подробнее см. раздел 3.2).

В заключение вернемся к одной выявленной семантической закономерности, свойственной только союзу *и...и*: при частичном согласовании в конструкции с *и...и* семантически различаются линейные порядки SV и VS; первый связан с объединенной, второй – с отдельной интерпретацией конъюнктов (часть (б) Гипотезы (7)).

Специфика (7б) заключается в том, что это различие, как представляется, для говорящего не является осознанным; оно порождается не концептуально-семантической системой языка (в рамках какой бы формальной модели такая система ни рассматривалась), а порождается морфосинтаксической системой. Другими словами, обсуждаемое различие есть семантическое следствие работы грамматики.

Поясним свою мысль. Говорящий осуществляет выбор между порядками VS и SV, исходя из нескольких разных факторов. Это, в первую очередь, факторы тема-рематического членения и жанровой принадлежности текста. Данные факторы являются осознанными. Фактор (7б), напротив, не осознанный; это означает, что он, в отличие, скажем, от тема-рематического членения, не принимается говорящим в расчет при порождении предложения, а возникает вне замысла говорящего – по факту линейного порядка, выбранного исходя из других факторов.

Под осознанностью мы понимаем, конечно, не способность говорящего объяснить разницу между словами или конструкциями, а сознательный выбор между ними. Так, не все носители русского языка в состоянии эксплицировать семантическое различие между квазисинонимами *улучшить* и *исправить*, но каждый в конкретном контексте умеет выбрать и сознательно выбирает один из них. Таким образом, говоря, что (7б) не является, а тема-рематическое членение является осознанным фактором при разграничении порядков VS и SV, мы имеем в виду, что говорящий не выбирает сознательно (и не умеет выбирать) между семантикой порядка SV и семантикой порядка VS, как она представлена в (7б), но выбирает сознательно между эффектами того или иного тема-рематического членения.

Если наше предположение справедливо, оно объясняет, почему, с одной стороны, семантическое различие между порядками VS и SV далеко не всегда является наглядным. Так, сравнение предложений (61а) и (61б), различающихся только линейным порядком, не позволяет отчетливо уловить семантического различия между ними, сформулированного в (7б):

- (61) а. *Меня охватил и смех, и ужас.*
б. *И смех, и ужас охватил меня*¹⁰.

С другой стороны, различие (7б) доступно наблюдению, когда имеется какое-либо препятствие для его реализации. Так, в следующем примере частичное согласование

¹⁰ Смутная тень такого различия, пожалуй, все-таки уловима: в (61а) скорее утверждается 'меня охватило и одно, и другое – и смех, и ужас', в (61б) скорее утверждается 'и смех, и ужас – все эмоции разом охватили меня'. Это различие вызвано, в частности, различием в тема-рематическом членении: в (а) конъюнкты входят в рему, в (б) – в тему. Поэтому напрашивается мысль, что грамматическим механизмом, индуцирующим различие (7б), как раз и является, в числе прочего, тема-рематическое членение. В основе (7б), кроме того, несомненно лежит тот факт, что при построении говорящим постпозитивной глагольной формы, в отличие от препозитивной, сочиненное подлежащее уже «построено». Ср. приводившееся выше высказывание А.М. Пешковского: «Объединение в мысли того, что еще последует, труднее для говорящего <...>. Объединить мыслью то, что уже сказано, – дело совершенно естественное» [Пешковский 1928/2001: 450]. Детальное рассмотрение вопроса о том, каковы грамматические предпосылки обсуждаемой семантической закономерности, мы оставляем за рамками нашей работы.

сомнительно, потому что затруднена объединенная интерпретация конъюнктов (подробнее см. 3.2):

(62) <Проигравших не было.> ⁷И штатский, и военный победил в этом соревновании.

Только в таких контекстах, препятствующих реализации различия (76), это различие и становится наблюдаемым, а вне этих контекстов оно не входит в «инструментарий» носителя языка¹¹.

По-видимому, на периферии сознания находится для говорящего и само противопоставление стандартного и частичного согласования. На эту мысль наводит обстоятельство, выявленное нами в результате опроса отдельных информантов и собственного интроспективного анализа: носитель русского языка, если ему во взятом вне контекста предложении предложат выбрать между стандартным и частичным согласованием, вероятнее всего, выберет стандартное. Причем выбор этот будет, весьма возможно, в пользу стандартного согласования даже и в том случае, когда действуют все факторы, способствующие согласованию частичному. Однако, если предложить носителю языка тот же самый пример, но с уже выбранным частичным согласованием и взятый в контексте, можно ожидать, что это убедит его в допустимости частичного согласования в данном конкретном случае. Одним словом, частичное согласование как будто больше затруднено при пристально контролируемом построении фразы, чем при понимании уже готовой фразы.

Почему так происходит? Возможно, потому, что стандартное согласование выбирается исходя из осознанной модели множественности, основанной на арифметике: один объект – единственное число, два объекта – множественное. Именно такая «арифметическая» модель множественности работает при (пристально контролируемом, как в описанной ситуации) построении фразы. Семантическая специфика частичного согласования, как менее осознанная, в такой ситуации говорящим не учитывается. Напротив, при понимании готовой фразы различие между стандартным и частичным согласованием уже является свершившимся фактом. Не требуя от носителя языка сознательного использования частичной стратегии, этот факт не вызывает и внутреннего сопротивления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Гвоздев 1973 – А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Синтаксис. Ч. II. М., 1973.
- Граудина и др. 2008 – Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. Словарь грамматических вариантов русского языка. М., 2008.
- Кодзасов 1987 – С.В. Кодзасов. Число в сочинительных конструкциях // А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- НОСС 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2003.

¹¹ Предлагаемая интерпретация закономерности (76), на первый взгляд, близка тому, что в традиции Московской семантической школы принято называть «слабым компонентом значения». Это «такой семантический компонент <...>, который подавляется (вычеркивается) в высказывании противоречащим ему семантическим компонентом» [НОСС 2003: XLVII] (благодарим рецензента журнала «Вопросы языкознания» за подсказанную нам аналогию). В действительности, однако, в нашем случае речь идет о другом: закономерность (76) не подавляется противоречащим компонентом; напротив, наличие такого компонента как раз и позволяет увидеть действие этой закономерности, в отсутствие противоречия наблюдению почти не доступное (см. 3.2).

- Падучева, Успенский 2002 – *Е.В. Падучева, В.А. Успенский*. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // В.А. Успенский. Труды по нематематике. М., 2002.
- Пекелис 2012 – *О.Е. Пекелис*. Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных) // Вопросы языкознания. 2012. № 2.
- Перетрухин 1979 – *В.Н. Перетрухин*. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979.
- Пешковский 1928/2001 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.
- РГ 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. В 2 т. М., 1980.
- Санников 2008 – *В.З. Санников*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
- Урысон 2011 – *Е.В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М., 2011.
- Barker 1992 – *C. Barker*. Group terms in English: Representing groups as atoms // Journal of semantics. 1992. V. 9. № 1.
- Corbett 1983 – *G. Corbett*. Resolution rules: Agreement in person, number and gender // E.K.G. Gazdar, G.K. Pullum (eds). Order, concord and constituency. Dordrecht, 1983.
- Corbett 2006 – *G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
- Haspelmath 2007 – *M. Haspelmath*. Coordination // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. II. Cambridge, 2007.
- Link 1983 – *G. Link*. The logical analysis of plurals and mass terms: A lattice theoretical approach // R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow (eds). Meaning, use, and the interpretation of language. Berlin, 1983.
- Munn 1999 – *A. Munn*. First conjunct agreement: Against a clausal analysis // Linguistic inquiry. 1999. V. 75. № 3.
- Pearson 2011 – *H. Pearson*. A new semantics for group nouns // M.B. Washburn, K. McKinney-Bock, E. Varis, A. Sawyer, B. Tomaszewicz (eds). Proceedings of the 28th West Coast conference on formal linguistics. Somerville (MA), 2011.
- Sadler 2003 – *L. Sadler*. Coordination and asymmetric agreement in Welsh // M. Butt, T.H. King (eds). Nominals: Inside and out. Stanford, 2003.

Сведения об авторе:

Ольга Евгеньевна Пекелис
Российский государственный гуманитарный университет
ginzburg@aha.ru

Статья поступила в редакцию 11.09.2012.